

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1

Гнездо «Чайки» в Сумах

Максим Анатольевич Артемьев

Независимый исследователь,
г. Москва, Российская Федерация, art-maksim@yandex.ru

Аннотация. Пьеса А.Чехова «Чайка» традиционно представляет значительный интерес для исследователей ввиду своего места в русской литературе и театре. Однако до сих пор не вполне решен вопрос о генезисе пьесы, побудительных мотивах к ее написанию, а также о происхождении ряда ключевых мест в ее тексте. Цель статьи – рассмотрение того, как пребывание автора в Сумах в 1888 и 1889 гг. на летнем отдыхе могло повлиять на содержание произведения, и, в целом, на его замысел. Путем анализа переписки Чехова комплексно выявляются многие сюжетные линии и содержательные моменты пьесы, корни которых проистекают из бытовых реалий в усадьбе Линтваревых в Сумах и из дискуссий и разговоров там. Показывается, как те или иные замечания, наблюдения, рассуждения из писем Чехова спустя несколько лет вошли в «Чайку» как единое целое, обусловив ее драматическую ткань, насытив содержательно и сюжетно. Особое внимание уделяется еще не разгаданным эпизодам в «Чайке», в первую очередь, монологу Нины Заречной. Обосновывается гипотеза о происхождении его из эпистолярных споров с А. Сувориным о романе П. Бурже «Ученик» в 1889 году. Также в связи с данной полемикой делается вывод о связи с указанным романом рассказа А. Чехова «Соседи», слова из которого используются в пьесе («автоцитата»), и которые также возникают под влиянием Бурже. Кроме того, указывается, как конкретные выражения из писем Чехова того периода, даже не относящиеся напрямую к Сумам, могли быть использованы им в ходе работы над «Чайкой».

Ключевые слова: Сумы, «Чайка», Чехов, Бурже, Суворин, символизм, декадентство, материализм

Для цитирования: Артемьев М.А. Гнездо «Чайки» в Сумах // Русская филология и национальная культура. 2025. №4(17). С. 9-24. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st29-2025.pdf>

Original article
УДК 821.161.1

Nest of «Seagulls» in Sumy

M.A Artemyev

Independent researcher,
Moscow, Russian Federation, art-maksim@yandex.ru

Abstract. A. Chekhov's play "The Seagull" has traditionally been of considerable interest to researchers due to its place in Russian literature and theater. However, the question of the play's genesis, the motives for its writing, and the origins of a number of key passages in its text remain unresolved. The purpose of this article is to examine how the author's stay in Sumy in 1888 and 1889 during summer vacation may have influenced the content of the work and, more generally, its concept. Through an analysis of Chekhov's correspondence, many plot lines and substantive moments of the play are comprehensively identified, the roots of which stem from the everyday realities of the Lintvarev estate in Sumy, and from the discussions and conversations there. It is shown how certain comments, observations, and reasoning from Chekhov's letters became part of "The Seagull" several years later, shaping its dramatic fabric and enriching its content and plot. Particular attention is given to as-yet-unsolved episodes in The Seagull, primarily Nina Zarechnaya's so-called monologue. A hypothesis is advanced regarding its origins in epistolary disputes with A. Suvorin about P. Bourget's novel The Apprentice in 1889. This controversy also suggests a connection between Chekhov's short story "Neighbors," words from which are used in the play ("self-quote") and the novel, which also arose under the influence of Bourget. Furthermore, it is pointed out how specific expressions from Chekhov's letters from that period, even those not directly related to Sumy, could have been used by him while working on The Seagull.

Key words: Sumy, The Seagull, Chekhov, Bourget, Suvorin, symbolism, decadence, materialism

Введение. В своих произведениях А.П. Чехов отражал многообразные впечатления своей жизни, от прочитанных книг и споров о них, сплавляя их в единое художественное целое. Не является исключением и пьеса «Чайка», имеющая своими источниками множество событий в биографии писателя и вокруг него, что было отмечено различными исследователями [2; 3; 7-10].

Цель нашей работы – показать влияние на создание «Чайки» от пребывания Чехова в усадьбе «Лука» Линтваревых на окраине Сум Харьковской губернии летом 1888 и 1889 гг. По нашему мнению, оно было решающим для многих обстоятельств пьесы.

Основная часть. Напомним вкратце хронологию. 7 мая 1888 года Чехов приехал в Сумы, 10 июля выехал в Феодосию (далее посетив Закавказье), 7 августа вернулся в Луку, 5 сентября возвращается в Москву. 24 апреля 1889 Чехов приезжает в Сумы, 3 июля выезжает в Одессу (оттуда в Ялту), 11 августа вернулся в Луку, 5 сентября возвращается в Москву. Небольшие по расстоянию и времени выезды из Сум в окрестные уезды мы не выделяем.

А.С. Суворину 30 мая 1888 года он пишет: «Живу я на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы¹» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2. с.277]. «Чайка»: «Тут на берегу шесть помещичьих усадеб» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.16]. В начале мая 1889 Чехов сообщает Суворину про усадьбу Линтваревых: «По ночам ужасно воют собаки и не дают спать» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.202]. «Чайка»: «попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она воет. Сестра опять всю ночь не спала... Я слышу, опять воет собака... Значит, опять всю ночь будет выть собака» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.6].

Города, упоминаемые в «Чайке», помимо Москвы и Петербурга, в основном, украинские – Полтава, Елисаветград, Харьков, Киев («киевский мещанин»), Одесса (тогда она не считалась «Украиной» или Малороссией, но непосредственно примыкала к региону, и географически – туда поехал Чехов из Сум, планируя отправиться заграницу, а после, переиграв, в Крым, – и административно, входя в Херсонскую губернию). Последнее относится и к Ельцу – соседнему городу со Слободской Украиной (в которой находятся Сумы).

Сам Чехов определял Сумы в письме Лейкину от 29 марта 1888 года как «город... недалеко от Полтавы» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.221]. И добавлял: «Буду всё лето кружиться по Украине и на манер Ноздрева ездить по ярмаркам» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.221]. Известное по Гоголю ярмарочное селение Чехов посетил, см. письмо А.С.Лазареву (Грузинскому) от 26 июня 1888: «Недавно я путешествовал по Полтавской губ. Был в Сорочинцах» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.288]. «Чайка»: «В 1873 году в Полтаве на ярмарке она играла изумительно» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.12].

Важная сюжетная линия «Чайки» – преклонение обитателей усадьбы перед известным беллетристом Борисом Тригориным: «но у вас Тригорин... ИграТЬ при нем мне страшно и стыдно... Известный писатель... узнать, как чувствует себя известный талантливый писатель. Как чувствуется известность? Как вы ощущаете то, что вы известны?» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.28]

30 мая 1888 года Чехов пишет Суворину: «У меня гостит А. Н. Плещеев. На него глядят все, как на полубога, считают за счастье, если он удостоит своим вниманием чью-нибудь простоквашу, подносят ему букеты, приглашают всюду и проч. Особенно ухаживает за ним девица Вата, полтавская институтка, которая гостит у хозяев. А он «слушает да ест» и курит свои сигары, от которых у его поклонниц разбаливаются головы. Он тугоподвижен и старчески ленив, но это не мешает прекрасному полу катать его на лодках, возить в соседние

¹ Письмо Н.С.Лейкину от 11 мая того же года: «Живу я в усадьбе близ Сум на высоком берегу реки Псла (приток Днепра). Река широкая и глубокая» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.269-270].

имения и петь ему романсы... придает большое значение тому, что в ее флигеле жил когда-то художник Маковский, а теперь живет молодой литератор; разговаривая с Плещеевым, чувствует во всем теле священную дрожь и ежеминутно радуется, что «сподобилась» видеть великого поэта» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.279]. Кроме того, письмо Плещееву от 28 июня 1888: «К Линтваревым приехал полубог Воронцов – очень умная, политico-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России; у меня гостит Баранцевич» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.290-291]. Приезжал в Сумы к Чехову и Суворин – крупнейшая фигура газетно-журнального и театрального мира в России того времени, другие знаменитости.

Что касается Плещеева, то письмо к нему Чехова от 12 июня 1888: «Вы не можете себе представить, как мне досадно, что Вы уехали, и как все мы стали грустны и кислы, когда посадили Вас в вагон. Дамы едва удерживались от слез» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.285] напоминает сцену проводов Тригорина и Аркадиной.

Существенный момент в «Чайке» – увлечение рыбной ловлей Тригорина. «Знаменитый писатель, любимец публики, о нем пишут во всех газетах, портреты его продаются, его переводят на иностранные языки, а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух головлей» [Чехов, 1974-1983, т.13, с. 26-27], «Я люблю удить рыбу. Для меня нет больше наслаждения, как сидеть под вечер на берегу и смотреть на поплавок» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.17], «Поймать ёрша или окуня – это такое блаженство!» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.54] Чехов данном случае представляет свой иронический портрет: «В реке Псле водятся, между прочим, судаки и карпии. Жалко, что Вы не рыболов! Поймать судака – это выше и слаже любви!» (письмо Плещееву от 25 апреля 1888) [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.257].

Тема рыбалки занимает видное место в письмах из Сум: «Река широка, глубока и красива. Водятся в ней следующие рыбы: окунь, чебак, язь, судак, белизна (порода шелишпера), голавль, плотва, сом, сибиль, щука ласкирка... Первая рыба, какую я поймал на удочку, была щука, вторая – большой окунь», (письмо И.П.Чехову 10 мая 1888) [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.268]. Тут мы видим и голавлей из «Чайки», и шелишпера из «Злоумышленника». Причем написание варьирует – головль-голавль, шелишпер-шилишпер. «Сегодня поймал в пруде двух карасей и послал Суворину рассказ» (письмо И. П. Чехову 23 мая 1888) [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.274] . Другому брату, Александру, он писал (после 6 мая 1888-го): «Живу на берегу Пслы, ловлю рыбу» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.265]. Подобных упоминаний множество. И касаются они не только самого Чехова: «Теперь гостит у меня Баранцевич. Страстный раколов» (Суворину, 28 июня 1888-го) [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.291].

Оба лета в Сумах были заняты у Чехова не только рыбакой, но и интенсивными дискуссиями и размышлениями о литературе как в разговорах с гостями и хозяевами, так и в переписке. Кое-что перешло затем в «Чайку», составив основу ее «литературной» части - «Да, мило, талантливо... Мило, но далеко

до Толстого» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.9], «Прекрасная вещь, но «Отцы и дети» Тургенева лучше» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.30], «Здесь лежит Тригорин. Хороший был писатель, но он писал хуже Тургенева» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.30].

Эти сравнения имеют собой основу в письмах Чехова из усадьбы Лука. В начале мая 1889 года он пишет Суворину: «Между прочим, читаю Гончарова и удивляюсь. Удивляюсь себе: за что я до сих пор считал Гончарова первоклассным писателем? Его «Обломов» совсем неважная штука... Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов. Зато как непосредственен, как силен Гоголь и какой он художник!.. Сплошной восторг и больше ничего. Это величайший русский писатель» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3., с.201-202]. Аркадина: «Ты такой талантливый, умный, лучший из всех теперешних писателей, ты единственная надежда России... О, тебя нельзя читать без восторга!» 4 мая 1889 тому же Суворину: «Я боюсь, что в этом отношении я очень похож на Гончарова, которого я не люблю и который выше меня талантом на 10 голов» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.20].

Тригорин, кокетничает, жалуясь на свою писательскую судьбу: «Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чаду и часто не понимаю, что я пишу...» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.30] Чехов Суворину 4 мая 1889 года: «ни с того ни с сего, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оправнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неуспехам, к большому гонорару – одним словом, стал дурак дураком. В душе какой-то застой» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.203-204].

Вообще, письма Чехова из Сум Суворину и другим друзьям-писателям выглядят порой монологом не то Тригорина, не то Треплева, с их погружением в мельчайшие детали писательского мастерства, и размышленииами о профессии вообще. Например, 30 мая 1888-го он пишет Суворину: «недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница (о 16 колесах)» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.277]. В «Чайке» это замечание получило развитие: «Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.55]. Тут надо иметь в виду, что в «Чайке» это одна из двух отсылок к собственным текстам. Цитата, как известно, взята из рассказа 1886 года «Волк»: «На плотине, залитой лунным светом, не было ни кусочка тени; на середине её блестело звездой горлышко от разбитой бутылки. Два колеса мельницы, наполовину спрятавшись в тени широкой ивы, глядели сердито, уныло...» [Чехов, 1974-1983, т.5, с.41]. «Заезженный шаблон» - «выработал себе приемы», речь идет о механических описаниях, не требующих вдумчивой работы. Поскольку Чехов уже писал о водяной мельнице, причем дважды – еще в письме брату Александру 19 мая 1886 года дидактически: «у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.1, с.242], то встреча с ней в Сумах, упоминание о ней, казались ему шаблонными,

поскольку для него самого осколок на мельничной плотине стал шаблоном, выработанным приемом.

Много в Сумах рассуждал Чехов и о театре (работая над пьесой «Леший»), предвосхищая Треплева. 14 мая 1889 в письме Суворину: «Щеглов мне не конкурент. Я не знаю его драмы, но предчувствую, что в своих двух первых актах я сделал в 10 раз больше, чем он во всех своих пяти. Его пьеса может иметь больший успех, чем моя, но такой конкуренции я не боюсь. Говорю Вам сие, чтобы показать, как я доволен своей работой. Пьеса вышла скучная, мозаичная, но все-таки она дает мне впечатление труда. Вылились у меня лица положительно новые; нет во всей пьесе ни одного лакея, ни одного вводного комического лица, ни одной вдовушки. Всех действующих лиц восемь, и из них только три эпизодические. Вообще я старался избегать лишнего, и это мне, кажется, удалось» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.214]. «Чайка»: «Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно...» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.8], «Гласила, обрамленное... Это бездарно (Зачеркивает.) Начну с того, как героя разбудил шум дождя, а остальное все вон» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.55]. Чехов предостерегал брата Александра в письме 8 мая 1889 года относительно его пьесы: «Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.210]. Треплев: «Описание лунного вечера длинно и изысканно» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.55].

Тригорин жалуется: «Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть где-нибудь в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовий цвет, упомянуть при описании летнего вечера» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.29]. Чехов, временно отъехав из Сум, пишет туда сестре М.П. Чеховой 18 июля 1889 года, как бы вторя своему персонажу, и упражняясь в сравнениях: «Женщины пахнут сливочным мороженым... Я скучаю по Луке. Во время бури у берега камни и камешки с треском, толкая друг друга, катаются то сюда, то туда – их раскатистый шум напоминает мне смех Натальи Михайловны; гуденье волн похоже на пение симпатичного доктора. По целым часам я просиживаю на берегу, жадно прислушиваюсь к звукам и воображаю себя на Луке» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.232-233]. Аналогичная тренировка внимательности и воображения в письме Суворину 29 августа 1888: «Паровик, когда он работает, кажется живым; выражение у него хитрое, игривое; люди же и волы, наоборот, кажутся машинами» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.321].

4 мая 1889, Суворину: «Стволы яблонь, груш, вишен и слив выкрашены от червей в белую краску, цветут все эти древеса бело, отчего поразительно похожи на невест во время венчания: белые платья, белые цветы и такой невинный вид, точно им стыдно, что на них смотрят. Каждый день рождаются миллиарды существ. Соловьи, бугаи, кукушки и прочие пернатые твари кричат без умолку день и ночь, им аккомпанируют лягушки. Каждый час дня и ночи имеет какую-либо свою особенность. Так, в девятом часу вечера стоит в саду бук-

вально рев от майских жуков... Ночи лунные²» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3. с.202-203].

«Чайка»: «луна над горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит Нина Заречная, вся в белом.

Нина. Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя было видеть глазом, - словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь. На лугу уже не просыпаются с криком журавли, и майских жуков не бывает слышно в липовых рощах» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13].

Таким образом, начало монолога Нины Заречной – отрывка из символистской мистерии Константина Треплева, представляет собой воспоминания Чехова о вечере в Сумах, описанном в письме Суворину, разумеется, с соответствующими поправками. «Миллиарды существ» - «все жизни», расширяются от соловьев и лягушек до львов и орлов (также см.ниже письмо Чехова из Сухума). Оттуда же и луна над горизонтом, и белое платье Нины Заречной, и майские жуки.

Но было еще несколько писем Суворину, которые определили дальнейшее содержание монолога, который сводится к противопоставлению духа и материи: «Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа – это я... Боясь, чтобы в вас не возникла жизнь, отец вечной материи, дьявол, каждое мгновение в вас, как в камнях и в воде, производит обмен атомов, и вы меняетесь непрерывно. Во вселенной остается постоянным и неизменным один лишь дух» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13-14].

7 мая 1889 Чехов пишет Суворину о новом нашумевшем романе Поля Бурже «Ученик» (Paul Bourget, Le Disciple): «Роман интересен. Прочел я его и понял, почему он так занял Вас. Умно, интересно, местами остроумно, отчасти фантастично... Если говорить о его недостатках, то главный из них – это претенциозный поход против материалистического направления. Подобных походов я, простите, не понимаю. Они никогда ничем не оканчиваются и вносят в область мысли только ненужную путаницу. Против кого поход и зачем? Где враг и в чем его опасная сторона? Прежде всего, материалистическое направление – не школа и не направление в узком газетном смысле... Всё, что живет на земле, материалистично по необходимости. В животных, в дикарях, в московских купцах всё высшее, неживотное обусловлено бессознательным инстинктом, всё же остальное материалистично в них, и, конечно, не по их воле. Существа высшего порядка, мыслящие люди – материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят,

² В другом недатированном письме Суворину от начала мая 1889 Чехов повторяется: «не смолкая, кричат соловьи, удоды, иволги и прочие твари» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.201].

слышат и ощущают они одну только материю ... Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.207-208]. Последнее предложение, заметим, звучит вполне по-ленински, словно цитата из «Материализм и эмпириокритицизм». «...психические явления поразительно похожи на физические, что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые? Я думаю, что, когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста *необходимо* явится вопрос: где тут душа?.. Одним словом, поход Бурже мне непонятен. Если бы Бурже, идучи в поход, одновременно потрудился указать материалистам на бесплотного бога в небе, и указать так, чтобы его увидели, тогда бы другое дело» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.208-209].

В письме 15 мая 1889 года Чехов продолжает спорить с Бурже и Сувориным: «Наука о материи идет своим чередом, и те места, где можно укрыться от сплошной материи (*выражение Суворова в его письме – М.А.*), тоже существуют своим чередом, и, кажется, никто не посягает на них. Если кому и достается, то только естественным наукам, но не святым местам, куда прячутся от этих наук. В моем письме вопрос поставлен правильнее и безобиднее, чем в Вашем, и я ближе к «жизни духа», чем Вы. Вы говорите о праве тех или других знаний на существование, я же говорю не о праве, а о мире. Я хочу, чтобы люди не видели войны там, где ее нет. Знания всегда пребывали в мире. И анатомия, и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага – чёрта» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.215-216]. У Тригорина в мистерии: «От меня не скрыто лишь, что в упорной, жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.14]. О том же говорит и учитель Медведенко: «Никто не имеет основания отделять дух от материи, так как, быть может, самый дух есть совокупность материальных атомов» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.15].

Чехов резко восстает против противопоставления духа и материи у Бурже, которого за это одобряет Суворин. Монолог Нины – отражение этих споров. Дьявол (черт), «отец вечной материи» - враг, с ним идут на битву («Вот приближается мой могучий противник, дьявол»), подобно тому как Бурже отправляется в поход против материализма. Разумеется, содержание мистерии не отражает собственных взглядов Чехова. Это, скорее, пародия на бессмысленные споры конца века о материи и духе, равно как и слова Дорна «и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.49]. Дискуссия с Сувориным, возможно, лежит в основе заявлений Дорна: «художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно... если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества, то, мне кажется, я презирал бы свою материальную оболочку и все, что этой оболочке

свойственно, и уносился бы от земли подальше в высоту» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.19].

Поль Бурже не был ни декадентом, ни символистом, но на рубеже веков считался одним из самых популярных и влиятельных французских писателей, олицетворяя для русского читателя «актуальность». И он получил известность именно на муссировании подобных «теологических» вопросов, глубоко чуждых Чехову.

В «Чайке» достаточно упоминаний современной французской литературы – Золя, Мопассан, Дюма-сын (*La dame aux camelias*), ироническое предложение Сориным Треплеву сюжета для повести *L'homme, qui a voulu* («Человек, который хотел»), которую он не случайно называет по-французски, пародируя роман Гюго *L'Homme qui rit* («Человек, который смеется»), и, одновременно, вписывая ее в ряд современной французской «психологической» прозы как у Бурже. О предсказательной точности иронии говорит тот факт, что в 1906 году вышел роман модного писателя Клода Фаррера *L'homme qui assassina* («Человек, который убил»).

В письме Суворину от 15 мая 1889 года Чехов пишет: «Бурже увлекателен для русского читателя, как гроза после засухи, и это понятно. Читатель увидел в романе героев и автора, которые умнее его, и жизнь, которая богаче его жизни; русские же беллетристы (*напомним, что по авторской характеристике Тригорин – «беллетрист», - М.А.*) глупее читателя, герои их бледны и ничтожны, третируемая ими жизнь скучна и неинтересна. Русский писатель живет в водосточной трубе, ест мокриц, любит халд и прачек, не знает он ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства... одним словом, чёрта лысого не знает. В сравнении с Бурже он гусь лапчатый и больше ничего» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.217]. Этим словам Чехова вторит в пьесе Аркадина, комментируя Мопассана: «Ну, это у французов, может быть, но у нас ничего подобного, никаких программ» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.22].

И даже не очень мотивированное упоминание в монологе Нины именно Сириуса взято из романа Бурже, где главный герой, вспоминая свое материалистическое воспитание в детстве, говорит: *Le ciel de la nuit, par les beaux mois d'été, devenait une espèce de carte qu'il déchiffrait pour mes yeux de dix ans, et où je distinguais l'Étoile polaire, les sept étoiles du Chariot, Véga de la Lyre, Sirius, tous ces univers inaccessibles et formidables dont la science connaît le volume, la position et jusqu'aux métaux*³[Bourget, 1899, p.110].

С романом «Ученик» связана и известная фраза «Чайки» - «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.40]. Это вторая автоцитата Чехова в пьесе, взятая из рассказа 1892 года «Соседи». Творческая история этого произведения такова. 14 мая 1889 года Че-

³ Ночное небо в прекрасные летние месяцы стало своего рода картой, которую он разъяснял для моих глаз десятилетнего ребенка, и на которой я различал Полярную звезду, семь звезд Большой Медведицы, Вегу из созвездия Лирьи, Сириус, все те недоступные и грозные вселенные, объем, положение и даже металлы которых известны науке. (Перевод, здесь и далее, мой – М.А.)

хов пишет Суворину: «Конец в новом романе Бурже мне не нравится. Можно было бы лучше сделать. Это не конец умного романа, а шлейф, оторванный от Габорио и приколотый к умному роману булавками. Правосудие, «официальное бесстрастие» судей и прочее – всё это перестало уже трогать» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.215]. Через три года он написал «лучше» – рассказ «Соседи», который представляет собой переделку сюжета «Ученика». В романе Бурже брат обманутой героини застрелил ее погубителя. В рассказе Чехова брат девушки, уведенной без брака женатым мужчиной, едет к нему с четкой целью: «Я при ней ударю его хлыстом и наговорю ему дерзостей» [Чехов, 1974-1983, т.8, с.58]. Однако встретившись с виновником позора его семьи, поговорив с ним, герой меняет свою позицию на 180 градусов, и говорит в итоге сестре: «Ты, Зина, права. Ты хорошо поступила!» [Чехов, 1974-1983, т.8, с.71]

Чехов тем самым показывает сложность человеческого поведения, неоднозначность его оценок и мотивации, в отличие от консервативно-однозначной позиции Бурже.

Слова «если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее» произносятся соблазнителем во время объяснения с братом соблазненной. У Бурже главный герой романа в аналогичной ситуации говорит брату погубленной им девушки: «Je suis à vos ordres,» continua Greslou, «pour telle réparation qu'il vous conviendra d'exiger de moi...»⁴ [Bourget, 1899, p.368] Но заимствование у Бурже имеет двойную основу. В четвертой главе «Ученика» герой, вспоминая свое воспитание, выделяет два события, повлиявших на его становление. Вторым из них было обнаружение его матерью, что он читает «взрослые» книги из библиотеки покойного отца. Она отобрала их у него и заперла книжный шкаф на ключ. Puis elle ajouta sévèrement:

– «Quand tu voudras lire un livre, tu me le demanderas.⁵» [Bourget, 1899, p.123]

Напомним, что Тригорин достает книгу, указанную Ниной, из книжного «шкапа» Сорина в углу. У Бурже отмечено, что при внешней незначительности события, оно заслуживало упоминания, потому слова «Если ты захочешь почитать книгу, ты ее у меня попроси» приводятся им отдельной строкой, они не просто прямая речь в вербальном потоке. Чехов же одновременно пародирует сентиментальной фразой и первый и второй эпизод «Ученика».

В мистерии Треплева у дьявола красные глаза – «Когда покажутся красные глаза, нужно, чтобы пахло серой», «на фоне озера показываются две красных точки... Я вижу его страшные, багровые глаза...» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.14] 28 июля 1888 года Антон Чехов, отъехав из усадьбы Лука на Кавказ, пишет М.П.Чехову в Сумы о чуть было не случившемся столкновении парохода, на котором он плыл, с другим кораблем ночью: «нечистая сила скрипит... нечистая сила взвизгивает... У носа показываются какие-то красные огни... ко-

⁴ - «Я в вашем распоряжении», — продолжил Грелу, — «для любого возмещения, которое вы сочтете нужным потребовать от меня...»

⁵ - Затем она строго добавила:

- Если ты захочешь почитать книгу, ты ее у меня попроси.

гда, по моему мнению, всё уже погибло, слева показываются красные огни... Длинное черное тело плывет мимо, виновато мигает красными глазами» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.305]. Нина Заречная восклицает: «Страшно, страшно, страшно... до тех пор ужас, ужас...» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13]. Чехов же в этом письме повторяет: «Тошноты нет, но жутко... чувствую что-то вроде маленького ужаса» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.305]. Чехову огни парохода в ночи напоминают о дьяволе (нечистая сила), и он сравнивает их с глазами. Воспоминание об этом образе и пережитом ужасе остается в памяти. Также Нина повторяет: «Холодно, холодно, холодно» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13]. В письме от начала мая 1889 Чехов пишет Суворину: «во всем романе холод, холод, холод...» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.202] Еще слова из монолога Нины: «Под утро вас рождает гнилое болото» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13]; Чехов так описывал природу под Сумами в письме А.С.Киселеву 15 мая 1888: «от болот и прудов веет лихорадкой» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.272]. Нина: «И вы, бледные огни, не слышите меня... и вы блуждаете до зари» [Чехов, 1974-1983, [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13]]. В 1888 году, как раз накануне прибытия в усадьбу Лука, Чехов оканчивает повесть «Огни», и в письмах из Сум обсуждает ее. В повести говорится: «Знаете, на что похожи эти бесконечные огни? Они вызывают во мне представление о чем-то давно умершем, жившем тысячи лет тому назад» [Чехов, 1974-1983, т.7, с.107]. В монологе Нины огни – олицетворение опустевшей Земли: «Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа» [Чехов, 1974-1983, [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13]].

Нина восклицает в монологе: «Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет» [Чехов, 1974-1983, [Чехов, 1974-1983, т.13, с.14]]. 5 или 6 июня 1888 Чехов пишет А.Н.Плещееву: «Общий тон книжки уныл и мрачен, как дно колодезя, в котором живут жабы и мокрицы» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.293]. П. М. Свободин пишет Чехову 22 сентября 1889 г.: «...рад, что наконец получил сегодня Ваше письмо от 21 сент^{ября}. Ну, отвечаю по порядку. Вы видели во сне, что я упал в колодезь и что Вы с Натальей Михайловной вытащили меня» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.502]. (*письмо Чехова не сохранилось – М.А.*)

Ко французской тематике «Чайки» относится упоминание Эйфелевой башни – «бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своей пошлостью» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.8]. Тут надо напомнить, что башня была построена в 1889 году, к проведению Всемирной выставки в Париже. К 1896, времени написания «Чайки», ее сенсационность уже миновала. А вот 31 мая 1889 Чехов писал В.А.Тихонову: «Живу я, милый российский Сарду, не в Париже и не в Константинополе, а, как Вы верно изволили заметить на конверте Вашего письма, в г. Сумах, в усадьбе г-жи Линтваревой. Рад бы удрать в Париж и взглянуть с высоты Эйфелевой башни на вселенную» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.219-220]. 14 мая 1889 Суворину: «такое наслаждение, какого Вы не испытаете, даже стоя на вершине Эйфелевой башни и глядя вниз на Париж» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.214]. 26 июня 1889 Плещееву:

«шатанье по музеям и Эйфелевым башням» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.228].

Летом 1889 с Антоном Чеховым в Сумах находился его тяжелобольной брат Николай, который там и умер. Письма Чехова из Луки – это и история умирания Николая. С его судьбой в Сумах корреспондирует история Сорина, брата Аркадиной, который по ходу пьесы стареет и слабеет здоровьем, под конец он уже не может сам ходить и его возят на кресле-каталке. Обсуждение его самочувствия – основной мотив в «Чайке», с ним связанный. Чехов пишет о брате: «Сначала он много сердился, болезненно раздражался» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.225] (М.М.Дюковскому 24 июня 1889), «Капризник и привередник ужасный» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.209] (братью Александру 8 мая 1889). Сорин также жалуется: «Вот история, я опасно болен, а между тем мне не дают никаких лекарств», «и вот кончаю свою жизнь в деревне», «Поймите, жить хочется!» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.48-49]. Чехов отмечает о брате: «часто спит» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.221] (Облонскому Н.Н., 4 июня 1889), Сорин засыпает на ходу - «Слышишь, как храпит Сорин», «Петруша!.. Ты спишь?» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.23]

Чехов замечает, что болезнь брата неизлечима: «Мой живописец никогда не выздоравливает. У него чахотка. Вопрос поставлен так: как долго будет продолжаться болезнь?» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.214] (Суворину, 14 мая 1889), «Начну с Николая. У него хронический легочный процесс – болезнь, не поддающаяся излечению» (братью Александру 8 мая 1889) [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.209]. Доктор Дорн скептически смотрит на выздоровление Сорина: «Лечиться в шестьдесят лет!», «лечиться в шестьдесят лет... это, извините, легкомыслie» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.23-24]. Николай Чехов – холостой художник-неудачник. Таков и Сорин – «Когда-то я страстно хотел двух вещей: хотел жениться и хотел стать литератором, но не удалось ни то, ни другое» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.48].

Аркадина с Треплевым иронически обмениваются цитатами из Гамлета [Чехов, 1974-1983, т.13, с.12] («Чайка» и Гамлет – тема, хорошо изученная [Артемьева, 2015, Шкловский, 1981]), Чехов письмо Суворину от начала мая 1889 заканчивает пародией на Гамлета: «Будьте счастливы и не забывайте меня в своих святых молитвах» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.202]. Надо сказать, что перед первой поездкой в Сумы, а именно, в конце 1887 года Чехов серьезно занимался Шекспиром, и писал водевиль «Гамлет, принц датский», в соавторстве Лазаревым (Грузинским). Так что «шекспировские» мотивы в «Чайке» являлись свежими впечатлениями на момент пребывания в Сумах. Слова из треплевской мистерии: «Тела живых существ исчезли в прахе... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13], соответствуют словам Чехова из черновика письма Д.В. Григоровичу от 12 февраля 1887 года: «сегодня я охотно верю Боклю, к<ото>рый в рассуждениях Гамлета о прахе Ал<ександра> Мак<едонского> и глине видел знакомство Шекспира с законом обмена веществ» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.360].

Думается, имеется перекличка в следующих словах, 16 июля 1889 в письме И.П. Чехову: «Я еду в Ялту и положительно не знаю, зачем я туда еду. Надо ехать и в Тироль, и в Константинополь, и в Сумы; все страны света перепутались у меня в голове, фантазия кишмя кишит городами, и я не знаю, на чем остановить свой выбор» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.229-230] и вопрос Медведенко: «Позвольте вас спросить, доктор, какой город за границей вам больше понравился?» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.49]

Несколько раз в «Чайке» Треплев унижительно аттестуется как «киевский мещанин», то есть к паспортной характеристике добавляется дополнительное значение. Чехов в письме Лазареву (Грузинскому) от 20 октября 1888 отзывает о себе: «я «счастья баловень безродный», в литературе я Потемкин, выскочивший из недр «Развлечения» и «Волны», я мещанин во дворянстве, а такие люди недолго выдерживают, как не выдерживает струна, которую торопятся натянуть» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.38]. В письме И.Л. Леонтьеву (Щеглову) от 22 февраля 1888 Чехов развертывает свое понимание «мещанства»: «я скорее всего сравнил бы Вас с Помяловским постольку, поскольку он и Вы – мещанские писатели. Называю Вас мещанским не потому, что во всех Ваших книгах сквозит чисто мещанская ненависть к адъютантам и журфиксным людям, а потому, что Вы, как и Помяловский, тяготеете к идеализации сенькой мещанской среды и ее счастья... всё это, вместе взятое, подтверждает мое положение о Вашем мещанстве» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.204].

Не удовлетворенный собой Треплев играет «меланхолический вальс», а разочарованная и раздосадованная Маша делает под него два-три тура. 5 или 6 июня 1888 Чехов пишет А.Н. Плещееву: «Воронцов (Веве) мало-помалу разошелся и даже – о ужас! – плясал вальс. Человечина угнетен сухою умственностью и насквозь протух чужими мыслями, но по всем видимостям малый добрый, несчастный и чистый в своих намерениях» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.293].

Слова про брюнетов и блондинов из монолога Тригорина, впервые появились в письме Суворину от 4 января 1889 – между первым и вторым пребыванием в Сумах: «все брюнеты, сидящие в ложах, будут казаться мне враждебно настроенными, а блондины холодными и невнимательными» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.127]. Нина произносит в пьесе: «У Тургенева есть место: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый угол» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.57]. Это слова из романа «Рудин», только в оригинале не «угол», а «уголок». В свою очередь, Тургенев позаимствовал их (не дословно) у Дмитрия Григоровича из рассказа «Прохожий». Чехов же писал Суворину 30 декабря 1888 г.: «Он намотал себе это на ус и так сильно намотал, что, читая «Рудина», непременно спрашивает себя: «Подлец Рудин или нет?» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.112]

Один из ключевых моментов «Чайки» – перевязка головы Треплева Аркадиной. 23 декабря 1888 Чехов пишет Суворину – «явилась баба и потащила меня на Плющиху к поэту Пальмину, который в пьяном образе упал и расшиб себе лоб до кости. Возился я с ним, с пьяным, часа полтора-два, утомился, про-

вонял иодоформом, озлился и вернулся домой утомленным» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.100]. Н.М. Ежов, посетивший поэта вместе с Чеховым, вспоминал: «...люб Пальмина, имел огромную рассечину, крови вышло много. Рану промыли, засыпали йодоформом, Чехов сжал края и в трех местах наложил кусочки липкого пластиря» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.354-365]. В пьесе – «Аркадина (достает из аптечного шкафа йодоформ и ящик с перевязочным материалом)» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.37]. 7 января 1889 Чехов опять писал Суворину: ««В Москве есть поэт Пальмин, очень скрупой человек. Недавно он пробил себе голову, и я лечил его. Сегодня, прия на перевязку, он принес мне флакон настоящего Ilang-Ilang'а» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.133].

Треплев: «В «Русалке» Мельник говорит, что он ворон» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.50]. Чехов посетил «Русалку» через три недели по возвращению из Сум, письмо А.П. Ленскому 27 сентября 1889: «ходили слушать «Русалку» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.254]. Н.А. Лейкину Чехов писал 7 октября 1887 года: «у Вас «На охоте» охотники стреляют куропаток в лесу. Куропатки бывают на опушке леса, а в лесу на деревьях никогда» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.127] – вспомним упоминание куропаток в монологе Нины. Там же говорится – «не просыпаются с криком журавли» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.13]. 25 июля 1888 из Сухума Чехов перечислял неустановленному лицу в Сумах местную фауну: «ослы, лебеди, буйволы, сизые журавли» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.302] (одновременно здесь еще один вариант предвосхищения «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси»). В письме 27 ноября 1889 года Чехов пишет Суворину: «Помните, что я жду Вас. В день выезда телеграфируйте мне, я приеду в «Славянский базар» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.294]. Тригорин наставляет Нину: «Остановитесь в «Славянском базаре»... Дайте мне тотчас же знать...» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.44].

В «Чайке» упоминается «Дама с камелиями». В середине октября 1888 года Чехов в письме А. Н. Маслову (Бежецкому) пишет: «К тому же Петипа, которого ошикала Москва, собирается уезжать в Петербург» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.30]. Ошикание касалось его исполнения роли Армана в пьесе Дюма-сына «Дама с камелиями», поставленной в театре Ф.А. Корша. Треплев упоминает Золя («Зола»). Чехов пишет А.С. Суворину 24 или 25 ноября 1888 г.: «Писатели должны быть подозрительны ко всем рассказам и любовным эпопеям. Если Зола <...> писал, на основании слухов и приятельских рассказов, то поступал опрометчиво и неосторожно» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.78].

Треплев: «по обстоятельствам, как говорится, от редакции не зависящим» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.8], Чехов - К.С. Баранцевичу 8 декабря 1888: «По обстоятельствам, от редакции не зависящим, я у Вас, милый друг, обедать в четверг не могу» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.82]. Треплев: «Афиша на заборе гласила... Бледное лицо, обрамленное темными волосами...» Гласила, обрамленное... Это бездарно (Зачеркивает.)» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.55]. Чехов, письмо Н.А. Хлопову от 13 февраля 1888: «Начать хоть с того, что то и дело попадаются фразы, тяжелые, как булыжник. Например, на стр. 2 фраза: «он заходил ко мне два раза в продолжение получаса». Или: «На губах Ионы появил-

лась долгая, несколько смущенная улыбка». Нельзя сказать «брьзнул продолжительный дождь», так, согласитесь, не годится фраза «появилась долгая улыбка» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.199-200]. Шамраев: «целою октавой ниже» [Чехов, 1974-1983, т.13, с.17], Чехов – И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 1 января 1888: «смейтесь тремя октавами ниже» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.2, с.166].

Последние несколько замечаний формально выпадают географически из «сумского» цикла, но принадлежат к одному с ним времени, показывая, что основные задумки «Чайки» созрели к 1889 году, либо основаны на тогдашних событиях и переживаниях.

Заключение. «Чайка» – первая из четырех «великих» пьес Чехова. В ней сошлись множество наблюдений и размышлений автора. Как было показано выше, важным ее компонентом стали воспоминания о времени, проведенном в Сумах, о книгах, прочитанных тогда. Чехов всегда стремился к универсальности места действия в пьесах, старался их не привязывать к точным географическим рамкам. Место действия «Чайки» совсем не Сумы. Это некая русская усадьба «вообще». Поэтому он свободно оперирует с локализацией – родители Нины на три дня уезжают в Тверь, возле усадьбы озеро с островом, черта, характерная для Тверской губернии. Прислуга говорит чистым русским языком без украинизмов (в письме от 8 мая 1889 брату Александру Чехов советует: «Лакеи должны говорить просто, без пущай и без теперича» [Чехов, 1974-1983, Письма, т.3, с.210]), думается, малороссийская речь проходила у Чехова по этому же разряду).

Чеховской фантазии достаточно толчка, и она начинает развивать исходный материал так, что он становится неуловимым. Стволы плодовых деревьев с побелкой преобразуются в белое платье Нины Заречной, идеи из совершенно земного романа Бурже выводятся на уровень вселенской мистерии, пруд и большая река превращаются в озеро, молодой художник Николай Чехов – в пожилого чиновника Сорина, в беллетристе Тригорине можно видеть кого угодно – от старика-поэта Плещеева до самого Антона Чехова.

Но именно двукратный опыт пребывания в усадьбе Лука дал писателю неисчерпаемый материал для подобных творческих толчков.

Список источников

1. Артемьева Л.С. «Гамлетовский» микросюжет в пьесе А.П. Чехова «Чайка» // Пушкинские чтения. 2015. №20. С. 224-231.
2. Катаев В.Б. Литературные связи Чехова, М.: Московский университет, 1989.
3. Паперный З.С. «Чайка» А.П. Чехова. М. Художественная литература, 1980.
4. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; М.: Наука, 1974-1982.
5. Шкловский В. Гамлет и «Чайка»// Вопросы литературы. М., 1981. № 1. С. 213-218.
6. P.Bourget, Le Disciple, Plon, 1899.
7. D. Rayfield, Anton Chekhov: A Life. London: HarperCollins, 1997

8. G. Borny, Interpreting Chekhov, ANU Press, 2006
9. M. C. Finke, Seeing Chekhov: Life and Art, Cornell UP, 2005
10. J. Malcolm, Reading Chekhov: A Critical Journey. Random House, 2001

References

1. Artem'eva L.S. «Gamletovskij» mikrosyuzhet v p'ese A.P. Chexova «Chajka» // Pushkinskie chteniya. 2015. №20. S. 224-231. (In Russ.)
2. Kataev V.B. Literaturny'e svyazi Chexova, M.: Moskovskij universitet, 1989. (In Russ.)
3. Paperny'j Z.S. «Chajka» A.P.Chexova. M. Xudozhestvennaya literatura, 1980. (In Russ.)
4. Chexov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo; M.: Nauka, 1974-1982. (In Russ.)
5. Shklovskij V. Gamlet i «Chajka»// Voprosy' literatury'. M., 1981. № 1. S. 213-218. (In Russ.)

Информация об авторе

Артемьев Максим Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент. Независимый исследователь, Россия, Москва.

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Information about the author

Artemyev Maxim Anatolyevich, PhD in Psychology, Associate Professor. Independent researcher, Russia, Moscow.

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.10.2025